

В. Д. Пузанов
Шадринский государственный педагогический университет, Шадринск, Россия.
alan1971@bk.ru

СЛУЖБА ТОЛМАЧЕЙ В СИБИРИ В КОНЦЕ XVI – XVII в.

В Сибири русские встретились с многими народами и языками. Народы Западной Сибири говорили, главным образом, на тюркских и угорских языках. В городах Сибири служили толмачи — переводчики. Кроме официальных толмачей в гарнизонах городов Сибири были и служилые люди, которые на время привлекались в качестве переводчиков. В ряде случаев в качестве толмачей воеводы городов Сибири отправляли и ясачных людей. К 1633 г. в городах Тобольского разряда служили 7 татарских, остяцких, вогульских толмачей. К 1669 г. в городах Тобольского разряда служили уже 17 официальных толмачей.

Ключевые слова: Сибирь, толмач, разряд, город, служилые люди, ясачные люди, уезд

Служба и деятельность толмачей в Сибири отмечались во многих трудах по истории края, прежде всего по истории служилых людей [Бахрушин, Токарев; Миненко; Никитин; Емельянов; Леонтьева; Солодкин]. Однако специально эта тема исследовалась только в статьях А. А. Люцидарской и М. О. Акишина [Люцидарская; Акишин]. По данным русских летописей, население Сибири отличалось этническим разнообразием, по Есиповской летописи уже в Западной Сибири в бассейне реки Оби русские встретили «мнози языцы»¹. Как сообщает Строгановская летопись, в Сибири жили «разные же многие языцы: татары, остяки, калмыки, самоед, Пегая орда, и ины многие незнаемые языцы — кийждо собою властвоваху»². На юге Сибири соседями были государства ойратов, монголов, маньчжуров, казахов, Бухара и Хива, а также Китайская империя.

Однако народы Сибирского царства, занимавшего большую часть Западной Сибири, говорили, главным образом, на тюркских или угорских языках, понятных местному татарскому и финскому населению Приуралья и Поволжья, после победы над Казанью и Астраханью вошедших в состав Русского государства. В XIV–XVII в. татарский язык был широко распространен в России, особенно среди русской знати. В «Бархатной книге» — родословной старой русской аристократии, составленной в конце XVII в., — из 930 фамилий московской знати, по данным Н. П. Загоскина, 156 семей, то есть 17 %, по подсчетам В. О. Ключевского, имело татарское и вообще восточное происхождение [Ключевский, с. 193]. Первые татарские толмачи пришли в Сибирь вместе с казаками. Как сообщает Строгановская летопись, гости Строгановы 1 сентября 1581 г. отправили в Сибирь отряд в 840 казаков и ратных людей «из своих городков» в Приуралье, снабдив их оружием, а также предоставив проводников — «вожей сибирского пути» и толмачей «басурманского языка»³. По данным Строгановской летописи, кроме пришедших с Волги казаков, в отряд Ермака гости Строгановы включили 300 человек из своей уральской вотчины — «из городков своих ратных и охочих всяких людей: литвы и татар и русских, буйственных и храбрых». Можно предположить, что из этих татар были и первые толмачи «басурманского языка», пришедшие с казаками в Сибирь⁴. Позднее в гарнизонах городов Сибири кроме официальных толмачей были и служилые люди, которые в грамотах отмечались как состоящие «в толмачах», то есть привлекавшиеся для устного перевода воеводами и командирами гарнизонов края. Это могли быть представители местного населения, зачисленные на службу, или русские служилые люди, хорошо знавшие язык одного

¹ ПСРЛ. М., 1987. Т. 36. Ч. 1. С. 45.

² Летописи сибирские / Под ред. Е. И. Дергачевой-Скоп. Новосибирск, 1991. С. 126.

³ Там же. С. 124.

⁴ Там же.

из народов Сибири.

Выходцы из народов, уже вошедших в Русское государство, часто были толмачами при контактах с близкими им по языку народами Сибири. В конце XVI – XVII в. в гарнизонах южных городов Сибири, в уездах которых преобладало тюркское население, в качестве толмачей часто служили татары, пришедшие с русскими служилыми людьми с запада, в частности из Казанского края. Так, 8 ноября 1608 г. из Томска — города на юге русских владений по реке Оби, — воеводы Василий Вольинской и Михаил Новосильцов отправили «в новую землю в Маты» для поселения в ясак матцких людей с конными казаками города «в толмачах казацкого татарина Багулка»⁵. В тот же день в другую «новую землю» к «маторским людям» из Томска воеводы послали казаков «да в толмачах казацкого татарина Алебикаго»⁶. Позднее, в 1625 г., воеводы Томска послали к тайше белых калмыков Абаку, из улуса которого «воровские люди» совершили набег под город, в качестве посланника «толмача казанского татарина Янсарка», которому удалось договориться о восстановлении отношений⁷.

Служилые татары Сибири защищали земли уездов и участвовали в военных походах из городов края. Как отмечала Э. Я. Бояршинова, «томские и чатские служилые татары использовались в качестве толмачей-переводчиков при общении царских служилых людей с сибирскими народами, в посольствах, направляемых из Томского города в соседние государства» [Бояршинова, с. 105]. Так, томский татарин Бехтунка Бегичев был в 1626 г. верстан в конные казаки Томска, исполняя обязанности толмача. В июле 1624 г. воеводы Томска отправили в Киргизскую землю казаков Василия Анисимова и Дмитрия Поликарпова, с ними был послан «да в толмачах» некий Янсарка татарин⁸. Позднее, в 1638 г., Янсарко Бегичев в качестве толмача ездил в посольстве Еремея Степанова к Абаку, князю белых калмыков, а в 1642 г. был опять послан из Томска к енисейским киргизам [Бояршинова, с. 105].

В толмачах служили также представители местных сибирских народов, которые переходили на службу в гарнизоны городов, принимая крещение, — «новокрещены». Так, уже в 1615 г. в Томске служил толмачом «Лучка новокрещен», который в этом году был послан с томскими казаками «в Киргизскую землю» к енисейским киргизам для приведения к шерти киргизских князцов⁹. Воинственные енисейские киргизы, подчинившие ряд тюркских «землиц» по притокам реки Енисея, были серьезными соперниками Русского государства в Южной Сибири на протяжении всего XVII в.¹⁰ В 1622 г. в отписке воеводы Тобольска Матвея Годунова упоминается толмач Кузнецкого уезда «Васька новокрещен», отправленный «для вестей» в качестве разведчика в Абинскую волость уезда¹¹.

Кроме служилых людей, татар по происхождению, татарский язык знали и выходцы из плена. 2 октября 1608 г. к тайшам калмыков с предложением идти в «Томской город к твоему царскому жалованию» воеводы Томска направили конных казаков города «да в толмачах Дружинку Есыря»¹². Надо сказать, что прозвище Есырь/Ясырь обычно давалось пленным или людям, освобожденным от рабства. Позднее, в 1621 г., в посольстве из Томска к калмыкам был послан «в толмачах» Дружинка Ермолин. Возможно, это и был человек, который ранее отмечался в документах как Дружинка Есырь¹³. В списках гарнизона Томска 1626 и 1631 г.

⁵ Миллер Г. Ф. История Сибири, приложения. М., 1999. Т. 1. С. 413.

⁶ Там же. С. 414.

⁷ Миллер Г. Ф. История Сибири, приложения. М., 1941. Т. 2. С. 320.

⁸ Материалы по истории Хакасии XVII–XVIII вв. Абакан, 1995. С. 39.

⁹ Миллер Г. Ф. История Сибири, приложения. Т. 1. С. 435.

¹⁰ В исследованиях по истории Сибири этот этнос по историографической традиции называют «енисейские киргизы». В работах современных востоковедов распространено новое написание этнонима — «енисейские кыргызы».

¹¹ Миллер Г. Ф. История Сибири, приложения. Т. 2. С. 282.

¹² Миллер Г. Ф. История Сибири, приложения. Т. 1. С. 427.

¹³ Миллер Г. Ф. История Сибири, приложения. Т. 2. С. 268.

Дружинка Ермолин был отмечен уже в качестве официального толмача с хорошим окладом в 8 руб.¹⁴ По данным сметного списка 1630 г., к этому времени в Томске полагалось служить официально только одному татарскому толмачу¹⁵.

А. В. Малов и О. С. Смирнова отмечали, что с 1613 по 1623 г. нет сведений о приезде толмачей из Томска в Москву, хотя, по данным исследователей, только по грамотам, привезенным из Томска Г. Ф. Миллером, в 1608—1616 г. «встречается не менее 6 томских толмачей» [Малов, Смирнова, с. 218]. Надо отметить, что большинство служилых людей, направляемых воеводами Томска для устного перевода, не имели официального статуса толмача, а находились обычно в других группах служилых людей города, которых по знанию языков направляли не толмачами, а именно «в толмачах», как отмечали это обстоятельство официальные грамоты.

Другим неофициальным толмачом города в это время был конный казак Томска Иван Уланов с окладом 7 руб. с четью, 6 четей муки, 1 четь круп, 1 четь толокна, который служил и в качестве толмача приказной избы и вел переговоры с енисейскими киргизами и государством Алтын-хана в 1631—1632 г.¹⁶ Фамилия Ивана Уланова также свидетельствует о тюркском происхождении толмача. Слово «улан» в тюркском употребляется в значениях 'член знатного рода', 'юноша', 'молодец' и в этих значениях было хорошо известно на Руси. По данным документов Сибирского приказа, Дружинка Есырь и Ивашка Уланов служили толмачами в Томске уже при воеводе князе Иване Шаховском с 1620 г. и позднее¹⁷.

Зачисление на службу толмачей — выходцев из тюркского населения Южной Сибири, принявших православие, продолжалось в Томске и в конце XVII в. Так, в 1684 г. воевода Томска князь Андрей Кольцов-Масальский сообщил в Сибирский приказ, что ранее послал для переговоров с князем киргиз Ереняком сына боярского Ивана Вербитского «да толмача Ивашка Васильева сына татарина...»¹⁸. Характерно, что в Тобольске, по примеру Посольского приказа, при переговорах с другими народами, например киргизами, «договорные письма» князцов переводили и подписывали переводчик и толмач¹⁹. Подобная практика была характерна и для других городов Сибири.

В целом, поступление на службу толмача представителей народов Сибири, принявших крещение, было распространенной практикой на протяжении всего XVII в. В 1698 г. в далеком Селенгинском остроге на востоке Сибири служили толмачи Петрушка Киргиз и Гурка Уразов, фамилии которых также говорят о тюркском происхождении [Ионин, с. 219].

Однако в Сибири в качестве временных толмачей скоро стали использовать не только татар, но и русских служилых людей, и даже выходцев из Литвы. Так, в 1609 г. конный казак Томска Свиридка Антонов был послан «в толмачах» с отрядом казаков положить в ясак дальнюю Кимскую волость²⁰. В 1611 г. из Томска к князю Тояну был отправлен воеводами с казаками «в толмачех» Гриша Михайлов литвин²¹. В 1621 г. из Томска к белым калмыкам был послан «в толмачах» служилый человек гарнизона Андришка Гаврилов²². В 1677 г. из Кузнецкого острога воевода Г. В. Волков отправил в Киргизскую землю сына боярского Максима Грожавского «для писма» и казака Матвея Хворова «для толмачества»²³.

¹⁴ Томск в XVII в. Томск, 2005. С. 92.

¹⁵ Временник Императорского Общества истории и древностей российских (далее — Временник ОИДР). М., 1849. Кн. 4. С. 50.

¹⁶ Томск в XVII в. С. 177.

¹⁷ Материалы по истории Хакасии XVII—XVIII вв. С. 61.

¹⁸ Там же. С. 182.

¹⁹ Там же. С. 137.

²⁰ Миллер Г. Ф. История Сибири, приложения. Т. 1. С. 418.

²¹ Миллер Г. Ф. История Сибири, приложения. Т. 2. С. 220.

²² Там же. С. 263.

²³ Материалы по истории Хакасии XVII—XVIII вв. С. 192—197.

В конце XVII в. к 1699 г. в Томске служили уже 3 официальных толмача с общим окладом в 23 руб., 21 четь ржи, 16 четей овса²⁴. В построенном южнее Томска Кузнецком остроге на реке Томь к 1688 г. служил «городовой толмач» Иван Савинов, знавший распространенный татарский язык, которого посылали для переговоров с киргизами и т. д., и «калмыцкого языка толмач» Якушка Турузун, который ездил по заданию воеводы в 1687 г. в киргизскую землю «для проводывания вестей», то есть в качестве разведчика²⁵. Вообще, во второй половине XVII в. татарский язык был известен многим казакам южных центров Сибири. Например, в Кузнецком остроге служилые люди при контактах с тюркским населением «толмачили» самостоятельно, не прибегая даже к помощи официального городского толмача²⁶.

Когда из Тобольска в другие города Сибири разрядные воеводы отправляли служилых людей с официальными поручениями, от уездных воевод в грамотах часто требовали «служилых людей в вожи и в толмачи» одного или нескольких «людей добрых»²⁷. А иначе как было тобольским служилым людям путешествовать в далеком краю?

При присоединении к России севера Сибири были нужны уже другие толмачи, говорившие на языках сибирских угров — остяков и самоедов. В 1601 г. по государеву указу из Тобольска был послан русский отряд для строительства острога на севере Восточной Сибири, центра будущего Мангазейского уезда. В отряд также зачислили служилых людей из Березова и Сургута [Будинский, 1999, с. 21]. Характерно, что отряд не получил в Тобольске проводников и толмачей для северного края. На Березове руководитель экспедиции князь Василий Масальский должен был взять из пришедших в город в это время торговых людей из «зырян и вымич... на все суды сколько человек пригоже, которые б Мангазейской и Енисейской ход знали и толмачить умели»²⁸. В Посольском приказе, где составлялся наказ воеводе Василию Масальскому, рассчитывали на близость языков финских племен Приуралья к языкам угров Сибири.

Та же практика была и в городах Западной Сибири. Так, новокрещен Никита Осипов, зачисленный на службу в гарнизоне Сургута, позднее был переведен в более южный Нарымский острог на реке Оби, а затем служил в толмачах в русском отряде, посланном в Кетский и Маковский остроги²⁹. По данным челобитной Никиты Осипова, он происходил из иноземцев Среднего Приобья, из Нарымского уезда. В 1598 г. Н. Осипов донес воеводе Сургута о подготовке восстания князцов и ясачных людей в Нарымской волости. Позднее Н. Осипов принял крещение и был зачислен в казаки Сургута. В качестве годовальщика из Сургута Никита Осипов был послан в Кетский острог, а затем был отправлен «в толмачах» с отрядом казаков в Маковский острог на реке Кеть, около которого местные князцы перебили 20 казаков, сборщиков ясака. Никите Осипову, который знал язык и традиции местного населения, удалось вернуть князцов к покорности, как он позднее писал в челобитной, «тех изменников уговорил». Служба новокрещена на севере Сибири продолжалась более 30 лет. В 1635 г. Н. Осипов служил в Нарымском остроге, когда воевода Иван Загоскин «выписал его» из списка служилых людей³⁰.

Ранее, в 1616 г., в Москву приезжал толмач Нарымского острога также новокрещен Кочаев Ногай [Малов, Смирнова, с. 228]. По данным сметного списка 1630 г., в Нарымском остроге под началом воеводы служили 1 толмач, а также 25 казаков и 5 новокрещенов уезда, которые были посредниками между русскими служилыми людьми и местным населением³¹.

²⁴ Томск в XVII в. С. 48.

²⁵ Материалы по истории Хакасии XVII–XVIII вв. С. 39.

²⁶ Первое столетие освоения Сибири русскими. Новые документы. Томск, 1999. С. 19–23.

²⁷ Там же. С. 130.

²⁸ Миллер Г. Ф. История Сибири, приложения. Т. 1. С. 388.

²⁹ Там же. С. 449.

³⁰ Там же. С. 450.

³¹ Временник ОИДР. Кн. 4. С. 51.

В качестве толмачей с отрядами служилых людей на восток воеводы городов Сибири отправляли не только служилых людей, но и ясачных людей. Так, в 1617 г. воевода Тобольска князь Иван Куракин отправил в Восточную Сибирь разведать «тунгусские дороги» небольшую группу тобольского казака Семена Неустроева, ему были приданы и ясачные люди Кетского острога, которые, по данным воеводы, «с ними в жожах и толмачах на р. Енисей ходили»³².

В XVII в. воеводы уездов Сибири просили направить толмачей на постоянную службу в остроги, где еще не было своих служилых людей. В 1611 г. воевода Кетского острога (центра крупного Кетского уезда на реке Оби, в котором в это время не было своего гарнизона, а посылались служилые люди — годовальщики на временную службу из Сургута) Григорий Елизаров сообщал воеводам Первого ополчения князю Дмитрию Трубецкому и Ивану Заруцкому о конфликте с казаками Мангазеи за ясачных людей, отметив: «а для государева ясаку надобет в Кетском остроге для дальних землиц для посылок два толмача жилецкие, и им бы из Тобольска и из Сургута прислали государево жалование тем толмачам хлебное и денежное». На подобные назначения требовалась резолюция Москвы — «и вам бы о том о всем велеть указ учинить»³³. К 1630 г. в Кетском остроге еще не было своего гарнизона, но официальный толмач уже служил, как отмечал список, «...только 1 чел. толмач», в это время на службу в острог посылали по 20 годовальщиков из Сургута³⁴. Толмачами становились также и аманаты — заложники, посылаемые из ясачных земель в сибирские города. Ранее, в 1613 г., в Кетском остроге толмачом служил Карпик Амонатка, прозвище которого показывает, каким путем он попал в среду служилых людей и затем поступил на службу³⁵.

Надо сказать, что толмачи были нужны не только в городах — центрах огромных уездов края, но и в русских военных небольших укрепленных поселениях — острогах, строившихся в уездах юга Сибири среди сибирского населения. В 1661 г. Илья Бакшеев, приказчик Катайского острога, построенного в 1655 г. на юге Верхотурского уезда рядом с кочевыми народами, сообщал воеводе Верхотурья стольнику Ивану Камынину о приходе 8 татарских семей, бежавших от Кучумовичей, отметив, что в остроге нужен свой толмач, «а толмача в Катайском остроге нет, толмачить некому, а по-татарски говорить умеет татарской беломесной казак Тришко Панкратьев новокрещен»³⁶. Приказчик считал, что близкое соседство Катайского острога с татарами и башкирами — серьезная причина для назначения в острог толмача, но на подобное назначение была нужна санкция воеводы Верхотурского уезда и Сибирского приказа. Илья Бакшеев писал, что новокрещен Т. Панкратьев «...без указу великих государей и без вашей верхотурской памяти не толмачит, потому что он служит рядовую службу с катайскими казаки; и вы о том как укажите»³⁷.

Отсутствие толмача и незнание языка в Сибири было помехой даже для торговых связей. В 1647 г. промышленники Исай Игнатъев Мезенец с товарищи, всего 9 человек, отправились на коче с устья Колымы на восток и «бежали по большому морю»; в районе Чаунской губы промышленники обнаружили людей, говоривших на неизвестном языке: «нашли людей, а называются чухчами, а с ними торговали небольшое место потому, что толмача у них не было, и съезжати к ним с судна на берег не смели...» [Долгих, с. 549].

В городах Тобольского разряда — особого военно-административного округа, в котором до 1629 г. находились все русские владения в Сибири, а позднее, когда был выделен особый Томский разряд, большая часть уездов Западной Сибири, — толмачи относились к отдельной

³² Миллер Г. Ф. История Сибири, приложения. Т. 2. С. 240.

³³ Там же. С. 223.

³⁴ Временник ОИДР. Кн. 4. С. 51.

³⁵ Миллер Г. Ф. История Сибири, приложения. Т. 2. С. 227.

³⁶ Там же. С. 546.

³⁷ Там же.

группе обротчиков/оброчников, которые выполняли различные службы по городу. Кроме толмачей, в обротчиках служили также пушкарри, воротники, затинщики, казенные кузнецы и т. п. Обротчики, ружники — представители духовенства, получавшие особое довольствие — ругу, а также служилые люди составляли в городах Сибири основные группы «жалованных людей», тех, кому государство должно было платить жалованье.

Н. Н. Оглоблин полагал, что этих обротчиков надо отличать от жилецких «оброчных» людей — крестьян, посадских людей, которые платили в казну «оброки». Представители этой особой группы «жалованных людей» Сибири «оброчились» казне — получали особые «дачи» и таким образом «служили по найму и договору, а не за установленные оклады жалования как служилые люди» [Оглоблин, 1900, с. 113]. Надо сказать, что на практике различие между этими обротчиками и другими группами служилых людей в Сибири не было значительным.

Больше всего официальных толмачей служило в Тобольске, в 70–90-е годы XVII в. там имелось уже 10 толмачей, но это тема отдельной статьи. В северных городах Тобольского разряда служили вогульские, остяцкие и самоедские толмачи. В Пельиме среди нескольких обротчиков (пушкарри, воротник, казенный кузнец) в списках отмечался и вогульский толмач³⁸. Позднее, в 1672 г., в городе служили 8 человек «пушкарей и всяких обротчиков»³⁹. В 1617 г. в Москве за «сибирский приезд» получил сукно толмач Семен Дмитриев [Малов, Смирнова, с. 228].

Толмачи служили в составе гарнизонов Березова и Сургута с первых лет строительства острогов. Толмачом Сургута в начале XVII в. служил Иван Афанасьев Парабельский, видимо, представитель местной династии парабельских князей. Характерно, что еще один представитель рода новокрещен князь Петр Парабельский в это время служил в городе Сургуте в рядовых казаках и стрельцах⁴⁰. В первой трети XVII в. в Сургуте служили 3 обротчика, из которых 2 были воротниками по городу и острогу, а 1 человек — остяцким толмачом (1627). В 1631 г. остяцкий толмач Сургута получал 5 руб.⁴¹ В 1630-е годы количество обротчиков было увеличено до 6 человек, но толмач в Сургутском уезде остался один.

В конце XVII в. оклад остяцкого толмача составлял 7 руб. с четью денег, 4 чети ржи, 3 чети овса. В это время язык остяков был знаком многим казакам Сургута. В результате за место толмача в городе велась борьба. Долгое время толмачом служил Петр Новосильцов, но затем эту должность удалось получить Тимофею Кайдалову. Однако в 1703 г. по государеву указу и грамоте из Сибирского приказа остяцкий толмач Сургута Тимофей Кайдалов был отставлен и толмачом города был назначен бывший толмач Петр Новосильцов⁴².

Березовский уезд был наиболее крупным в Западной Сибири, с большим ясачным населением. К 1627 г. в Березовском уезде служили 6 обротчиков — воротник города, воротник острога, дворник гостиного двора, сторож съезжей избы, тюремный сторож и толмач. В книге 1631 г. отмечался остяцкий толмач Лазарь Иванов с окладом в 7 руб. 25 коп.⁴³

К 1660 г. в Березове из 6 обротчиков служили уже 3 толмача, из которых 2 человека были остяцкими толмачами, а 1 — самоедским толмачом. Позднее, в 1670–1690-е годы, в списках Березова отмечались только 2 толмача. Вообще, в Березовском уезде кроме ясачных остяков имелись служилые остяки. По данным списков 1638 и 1647 г., 39 остяков Березовского уезда возили по нему людей и грузы⁴⁴. В 1693 г. должность самоедского толмача занимал Микишка Хабаров с окладов в 4 руб., 3 чети с полуосьминой ржи, 2 чети с овса и 1,5 пуда соли. Толмач остяцкий Кузька имел оклад 5 руб. 25 коп., 4 чети ржи, 2 чети овса и 1,5 пуда соли⁴⁵.

³⁸ Временник ОИДР. Кн. 4. С. 49.

³⁹ РГАДА. Ф. 214 (Сибирский приказ). Кн. 110. Л. 25.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 214. Кн. 46. Л. 45; Кн. 110. 41; Кн. 248. Л. 58.

⁴¹ РГАДА. Ф. 214. Кн. 30. Л. 401.

⁴² РГАДА. Ф. 214. Кн. 1361. Л. 19.

⁴³ РГАДА. Ф. 214. Кн. 30. Л. 307.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 214. Кн. 248. Л. 62; Кн. 641. Л. 56; Кн. 1008. Л. 118–120.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 214. Кн. 1069. Л. 21.

В южных городах Тобольского разряда служили толмачи с вогульского, татарского и калмыцкого языков. В Тюменском городе в 1630-е годы служили 3 толмача. По данным окладной книги 1632 г., в Тюмени один татарский толмач Тимофей Никитин служил толмачом у служилых татар, с окладом в 8 руб., а другой толмач Петр Ахкуза — у ясачных татар, с окладом в 5 руб. 25 коп. Семен Трофимов служил калмыцким толмачом с жалованьем в 7 руб.⁴⁶ В конце XVII в. в Тюмени служил в качестве татарского толмача Никифор Набоков. Однако, видимо, служба в этом сибирском городе уже не приносила больших доходов. В 1691 г. бывший татарский толмач Никифор Набоков и подьячий Степан Телков были поставлены в Тюмени «на правез по заемной памяти» казаком литовского списка Парфеном Якимовым, но и после наказания так и не отдали ему долг⁴⁷. В Туринском остроге в 1630—1680-е годы служили от 6 до 10 обротчиков, среди которых был и 1 толмач татарский⁴⁸.

На Верхотурье вогульский толмач служил с начала XVII в.⁴⁹ В 1619 г. в Москву приехал толмач города Терентий Кобылкин с вогульским сотником Копчиком Емашевым [Малов, Смирнова, с. 228]. Служба вогульского толмача отмечается в списках 1627, 1633, 1638, 1649, 1660, 1672, 1678 г. В 1645 г. в городе служили уже два вогульских толмача⁵⁰. В Верхотурском уезде жили манси, некоторые из них принимали крещение и зачислялись на службу. Так, в 1631 г. в гарнизоне города отмечены 3 новокрещенных вогулича⁵¹.

В городе Таре, крупном административном центре юга Сибири, кроме татарского толмача позднее появляется в штате и толмач калмыцкий. Тарский уезд на юге граничил с владениями ойратов, а позднее с Джунгарским ханством. В 1617 г. в Москву с атаманом Василием Тюменцем «с товарищи» ездил толмач Тары Лунка Новокрещен, а в 1618 и 1620 г. толмач Алексей Масалитин [Малов, Смирнова, с. 227]. В 1626 г. на Тару были сосланы толмач и приставы из Свияжска, которых было приказано зачислить в крестьяне [Буцинский, 2003, с. 155]. В 1631 г. на Таре были отмечены толмач съезжей избы Алексей Тимофеев с довольно высоким окладом в 13 руб. и толмач Гостиного двора Иван Горбунов с окладом 7 руб. 25 коп.⁵² К 1660 г. в обротчиках Тары служили городской приказчик и 2 толмача, татарский и калмыцкий. Позднее, в 1678—1698 г., в Тарском уезде имелись 3 толмача. Кроме того, на Таре служили проводники — вожи на озеро Ямыш⁵³. Известна сумма годового оклада вожа и толмачей города. В 1704 г. на Таре 1 вож, 3 толмача служили с окладом в 28 руб., 6 четей ржи, 6 четей овса, 9 пудов соли. Двое толмачей из них служили с пашни за 7 четей ржи, 5 четей овса⁵⁴.

К 1633 г. в городах Тобольского разряда служили 56 человек обротчиков, из которых имелось всего 7 татарских, остяцких, вогульских толмачей⁵⁵. В городах Сибири воеводы привлекали для перевода сотни представителей местных этнических групп, прежде всего тюрков, находившихся на русской службе. Так, в Тобольске, Тюмени и Таре — южных городах Тобольского разряда — в 1633 г. имелось 379 служилых татар, а также 252 человека их родственников и захребетных татар, которые были не в службе. В списке 1633 г. отмечалось, что служилых людей и служилых татар Тобольска, которых не посылали на дальние службы и посылают в «розные мелкие посылаки», в том числе в приставах и толмачах.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 214. Кн. 30. Л. 263.

⁴⁷ Государственный архив Тюменской области. Ф. И-47 (Тюменская воеводская канцелярия). Оп. 1. Д. 223. Л. 1.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 214. Кн. 110. Л. 28; Оп. 3. Ст. 100. Л. 89; Кн. 209. Л. 31; Кн. 408. Л. 39; Кн. 641. Л. 46.

⁴⁹ Временник ОИДР. Кн. 4. С. 48.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 214. Кн. 46. Л. 22; Кн. 110. Л. 19 об.; Ст. 100. Л. 86; Кн. 248. Л. 34; Кн. 408. Л. 28; Кн. 641. Л. 39.

⁵¹ РГАДА. Ф. 214. Кн. 30. Л. 128, 167.

⁵² РГАДА. Ф. 214. Кн. 30. Л. 301.

⁵³ РГАДА. Ф. 214. Кн. 408. Л. 47; Кн. 1098. Л. 5.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 214. Кн. 1397. Л. 4—5.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 214. Кн. 46. Л. 58.

Позднее количество толмачей в городах Тобольского разряда увеличилось. В 1669 г. воевода Тобольска Петр Годунов доносил государю, что в Тобольске и городах Тобольского разряда служат 17 толмачей, которые получают оклад в 114 руб., пушкарей и затинщиков только в Тобольске 15 человек, а в городах 36 человек с окладом в 250 руб. Толмачи, пушкари и затинщики получали 447 четей хлебного жалованья⁵⁶.

Большой проблемой для власти стала организация служилых корпораций в новых городах и формирование группы толмачей в Восточной Сибири. Первым здесь был сформирован Мангазейский уезд, занимавший север Енисейского края и входивший в Тобольский разряд, в котором являлся наиболее крупным по территории уездом. В огромном уезде сборщики ясака с толмачами приезжали в ясачные зимовья осенью, зимой собирали ясак, а весной с аманатами и пушниной отправлялись в Мангазею [Долгих, с. 121]. Такая практика напоминала сбор дани — полюдье в Древней Руси X в.

В 1615 г. в Москву ездил «самоединский толмач» Мангазейского острога Василий Андреев [Малов, Смирнова, с. 228]. Другая особенность ясачного сбора в Мангазейском уезде заключалась в том, что с тобольскими и березовскими казаками, служившими в городе годовальщиками, за ясачным сбором приходили «в целовальниках и толмачах торговые люди», как отмечал еще в 1617 г. тобольский воевода князь Иван Куракин⁵⁷. В 1625 г. в Мангазее служили 5 толмачей и 53 человека служилых людей, сторожа и подьячие. В 1626 г. гарнизон города был увеличен на 50 служилых людей, набранных в Тобольске. В 1628 г. в городе Мангазее, как отмечает окладная книга, служили «толмачи старые», тунгусский толмач Игнат Васильев, закаменной толмач, верхотазский толмач, буяшский толмач, городской толмач⁵⁸. Позднее количество толмачей было увеличено до 15 человек [Буцинский, 1999, с. 23].

В результате в Мангазейском уезде толмачей-обротчиков не хватало, и служба толмачей и целовальников стала повинностью для торговых и промышленных людей Сибири, которых в уезд приходило от 600 до 1000 человек в год. Торговые и промышленные люди выбирали по 15 толмачей и 15 целовальников, которым приходилось ездить с казаками по зимовьям уезда.

На практике в толмачи уезда часто выбирались знающие языки ненцев и хантов люди «худые, задолженные», которые использовали эту службу для своего обогащения. В 1623 г. воевода Мангазеи Погожий писал государю, что толмачи и целовальники во время этих поездок меняют в уезде товаров от 100 до 600 руб. на «лучшие соболи и бобры и всякую мягкую рухлядь» [Буцинский, 1999, с. 57]. В зимовьях толмачи давали в ссуду несколько рублей ясачным людям, собирая у них за долг лучшую пушнину. Толмачи «воровством приказывают им, чтобы они лучшие соболи продавали, а в государев ясак носили соболи худые, и те ясачные люди по их приказам так и делают» [Буцинский, 1999, с. 57]. В ответ на жалобы государь Михаил Федорович указал брать в толмачи уезда «добрых и зажиточных» людей, а толмачам не искать пушнины, не торговать для себя и служить только за жалованье. После этого воеводы уезда вообще не могли найти толмачей, знающих языки.

Так, позднее остяки Имбацкого зимовья жаловались, что с 1641 г. воеводы посылают к ним толмачей «людей переменных и худых, которые их остяцкого языка вполне не понимают и разговора остяцкого хорошо не знают, а толмачат при посредстве своих жен, при таких толмачах им от приказных людей прямой расправы нет, так как жены толмачей ни о чем говорить приказным людям не смеют, и им в ясачном сборе бывает великое отягощение» [Буцинский, 1999, с. 58]. По данным челобитной, ранее в Имбацком зимовье 12 лет служил толмачом Иван

⁵⁶ РГАДА. Ф. 214. Кн. 535. Л. 248–249.

⁵⁷ Миллер Г. Ф. История Сибири, приложения. Т. 2. С. 241.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 214. Кн. 14. Л. 360.

Волынкин, хорошо знающий язык хантов, при котором ясачным людям не было обид и был правый суд от приказных людей [Будинский, 1999, с. 58].

На юге по реке Енисею в Енисейском остроге к 1632 г. служили «тунгуской» толмач и «брацкой» толмач, которые говорили на языках наиболее многочисленных групп в уезде. Самым обширным по территории в Сибири был Якутский уезд, большую часть его земель по реке Лене занимали племена тунгусов, язык которых относился к маньчжурским, и якутов — тюркского народа, мигрировавшего с юга Сибири. Из Якутского острога русские казаки и промышленники продвигались на земли Дальнего Востока, где имелось значительное языковое разнообразие. В 1649 г. служилые люди Якутского острога писали в челобитной царю Алексею Михайловичу: «служим мы, холопи твои, тебе государь... всякие твои государевы службы и проведали реку Лену и иные многие захребетные реки и многих иноземцев разных языков под твою царскую высокую руку приводили и на тебя государя ясак собираем...» [Бахрушин, Токарев, с. 324].

В 1646 г., по данным воеводы В. Н. Пушкина, в Якутском остроге, гарнизон которого составляли 5 детей боярских и 395 служилых людей, служили 2 толмача, якутский и тунгусский⁵⁹. В Якутском уезде штатный толмач для «иноземцев» служил в канцелярии воеводы в Приказной избе, где всего к 1681 г. было 9 человек. Толмач Приказной избы имел высокий оклад в 15 руб., 12 четей ржи, 8 четей овса. К концу XVII в. в избе служили 2 толмача. Оклад толмача в Якутском уезде был, как у детей боярских, 15–20 руб., казаки уезда получали в год около 5 руб. [Бахрушин, Токарев, с. 225, 330].

Из Якутского острога толмачей направляли с казаками в отдаленные на сотни, а часто и тысячи верст зимовья. В 1647 г. тунгусский толмач Якутского острога был отправлен на службу в ясачное зимовье на реку Маю⁶⁰. В 1638 г. казачий десятник Енисейского острога Елисей Юрьев Буза писал в челобитной, что он привел из похода за пушницей с реки Яны в Якутский острог отряд из служилых и промышленных людей и «якуцкова мужика» юкагирского толмача и аманатов юкагир⁶¹. Служилые люди Якутского уезда быстро продвигались на земли Дальнего Востока. Однако племена Дальнего Востока говорили уже совсем на других языках, казакам приходилось искать толмачей среди местных жителей. Всего в это время в Якутском уезде служили 28 толмачей, которые знали якутский и тунгусский языки. В толмачах служили казаки, промышленники и крещенные местные жители [Акишин, с. 45].

Так, в наказной памяти от 5 июля 1647 г. сыну боярскому Якутского острога Василию Власьеву, назначенному приказчиком на реку Колыму по приказу воевод острога, было приказано в остроге на реке Колыме «для толмачества взять толмача мужика или женку, которые умели по русски и по юкагирски говорить, и держать у себя для толмачества и кормить государевыми запасами и промышленяя рыбою»⁶². Василий Власьев, прибыв с отрядом на реку Колыму, «поймал» на ней чукчу «детину» Апа и привел в острог в качестве аманата. В 1648 г. Апа обратился с челобитной на царское имя, сообщив, что после взятия в плен его род отступился от него «и твоего, государева, ясаку под меня не платят». Аманат просил зачислить его, «сироту», в государеву службу толмачом в Нижнее ясачное зимовье для сбора ясака с юкагиров, обещая призвать в ясак юкагиров и даже «твоих государевых непослужников чюхоч»⁶³.

Аманаты и здесь давали кадры для толмачей, служилые люди, которые караулили аманатов в острогах, также часто учились чужой речи. В 1655 г. в Якутском остроге служил целовальником

⁵⁹ Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в. Сборник документов. М., 1951. С. 213–214.

⁶⁰ Там же. С. 248.

⁶¹ Там же. С. 98.

⁶² Там же. С. 236–237.

⁶³ Там же. С. 255.

у ясачного сбора Данилка Толмачев, по фамилии, вероятно, сын толмача⁶⁴. В 1681 г. в Анадырском остроге, по данным отписки казачьего сотника Ивана Курбатова, толмачом была жена казака Афанасия Шестакова, которая, видимо, происходила из местного населения края⁶⁵.

В Восточной Сибири язык тунгусов, которые в XVII в. занимали огромные территории от Енисейского края до Тихого океана, позволял русским служилым людям частично понимать при первых контактах народы Дальнего Востока. Как отмечал еще Г. Ф. Миллер, «тунгусы являются исконными жителями всей местности от реки Енисей к востоку до Охотского моря» [Миллер, с. 54]. По преданию якутов, когда в древности они прибыли с юга на плотах на реку Лену, за эти земли им пришлось воевать именно с тунгусами. Благодаря географическому положению роды тунгусов давно контактировали с самыми разными народами Дальнего Востока — от юкагиров на Колыме до дауров по реке Амуру. Большинство народов Сибири постоянно кочевали на большие расстояния. Однако, по данным ученого, даже среди «лесных народов» Сибири «нет ни одного народа, который в своих охотничьих странствиях забирался бы так далеко, как тунгусы в Якутском уезде» [Миллер, с. 236]. Так, многие роды тунгусов от верховьев реки Вилюя кочевали на тысячи верст на восток до истоков реки Зеи, притока реки Амура.

На Дальнем Востоке русские встретились с народами, говорившими на незнакомых языках. Язык тунгусов долгие годы был нужен для общения русским служилым людям с даурами, юкагирами и другими народами. Как отмечал Б. О. Долгих, разговоры русских служилых людей с даурами Албазинского уезда на протяжении многих лет проходили на тунгусском языке и через тунгусских толмачей. В результате в русских документах ряд даурских волостей получили тунгусские названия [Долгих, с. 586]. Подобная практика отмечена и на юге Сибири. Встретившись с бурятами в Восточной Сибири, служилые люди быстро поняли, что их язык похож на уже известный им язык калмыков, и из города Тары в Братский острог был послан толмач с калмыцкого языка [Долгих, с. 214].

Толмач или «новокрещен добрый» был посредником в отношениях русских служилых людей и иноземцев. В 1600 г. башкиры одной из волостей Уфимского уезда, на которых ранее, в 1596 г., напали служилые люди Тюмени — стрельцы и татары, просили от воеводы Уфы Михаила Нагова дать им для поездки в Тюмень за пленными родственниками и «животом» толмача или «новокрещена добра с кем им ехать в Тюменский город бити челом о сыску, а без толмача де ехать не смеем, што им из Тюмени грозят всегда войной»⁶⁶.

Воеводы направляли толмачей с отрядами служилых людей для поиска новых земель с ясачными людьми, а позднее и для сбора ясака. В 1640 г. группа служилых людей в южной части бассейна реки Лены, вышла в верховья реки Ханды и встретила там род тунгусов, которые предложили направить с ними русского толмача в дальний Камчагирский улус, еще не плативший ясак. Служилые люди послали с тунгусами толмача Кондратия Мясина и сказали при этом: «...и вы его не дайте убить и ограбить братским людям». Тунгусы ответили: «Как де мы дадим убить толмача? Имена наши написаны в книгах... мы де пойдем в братья торговать, а ево Кондрашка оставим в Камчагирском улусе. А из брат де мы приедем и мы де ево вывезем к русским людям. А вывезем де мы ево по пластам как де пойдем зверовать» [Долгих, с. 283]. В 1641 г. толмач Кондратий Мясин вернулся в Якутский острог и принес 54 соболя, объяснив дальний род тунгусов [Долгих, с. 283].

Толмачи в городах Сибири имели и известный официальный статус при контактах русского населения с приезжими людьми из других государств и ясачными людьми. Так, в 1672 г. в Кузнецком остроге во время «судного дела» над конным казаком Федором Максимовым,

⁶⁴ Там же. С. 304.

⁶⁵ Там же. С. 346.

⁶⁶ Миллер Г. Ф. История Сибири, приложения. Т. 2. С. 158.

которого приезжий бухарский купец, живший у него на дворе, обвинил в краже товаров, воевода Н. Б. Доможиров спросил казака, «бил ли челом великим государем», приняв к себе на двор купца, сообщил ли об этом в приказной избе воеводе и «толмачю сказывал ли»⁶⁷. На это Федор Максимов ответил, что он «перед великими государи виноват», не бив челом государям, воеводе «не докладывал и толмачю о том не сказывал»⁶⁸. Во время суда над казаком толмачил городской татарский толмач Кузнецкого острога Иван Савинов, которому и полагалось сообщать о деловых контактах жителей острога и иностранцев. При этом толмач Иван Савинов не умел писать, по его просьбе за него к листу «руку приложил» его брат Ефтихей Савинов, который служил в Кузнецком остроге в чине сына боярского⁶⁹.

В декабре 1651 г. на допросе в Сибирском приказе бывший воевода Томска князь Осип Щербатой в ответ на сообщение служилых людей города про его измену, будто он «списывается с калмыцкими людьми», сказал, что он решал «порубежные дела» и принимал посольства из чужих владетелей не один — «на посольском дворе он князь Осип один не сиживал: бывали с ним товарищи его, и служилые многие люди, и подьячие, и толмачи» [Оглоблин, 1903, с. 21]. Таким образом, официальные толмачи должны были под началом воеводы участвовать не только в отношениях с ясачными людьми и служилыми татарами, но и в переговорах представителей русской власти с представителями других государств. Здесь роль их заключалась не только в простом переводе с других языков — толмачи своим участием в деле также должны были гарантировать отсутствие частного интереса и даже «измены» в действиях воевод далеких городов Сибири.

В городах Сибири официальные толмачи служили в приказных избах, входили в ближайшее окружение воевод и играли важную роль в управлении уездов, являясь посредниками в отношениях между воеводами и местным населением. Особенно в первые десятилетия после присоединения Сибирского царства многие толмачи наживались за счет ясачных людей. Первый архиепископ Сибири Киприан писал государю, что в Сибири толмачи участвуют с воеводами в обмане ясачных людей, а «сибирские воеводы выбирают толмачей по себе, для своего пристрастия и всякое насилие и продажи делаются от толмачей вместе с ними; татары, вогулы и остяки бьют челом воеводам и приводят новых толмачей, но воеводы последних не принимают и старых не отставляют» [Буцинский, 1999, с. 245]. Архиепископ сообщал, что от таких воеводских притеснений многие ясачные люди оставляли свои дома и бежали в дальние места и даже новокрещены бросали свои дворы и жен и бежали к калмыкам.

Вообще, деятельность толмачей часто вызывала жалобы ясачного населения Сибири. В 1626 г. енисейские киргизы «били челом государю» и послали послов в Тобольск с жалобой на действия воевод и казаков Томска, которые их «от государские милости отогнали». По данным челобитной, толмачи Томска в первые годы после строительства Мелесского острога — толмач Янсарка, а затем Дружинка Есырь и Ивашка Уланов — играли в грабеже ясачных людей края значительную роль. При сдаче ясака в Мелесском остроге Томского уезда служилые люди собирали с ясачных людей также и «поминки», причем только с одной Мелесской волости для воеводы полагалось взять 40 соболей, для подьячих по 10 соболей и для толмачей — обычно по 20 соболей⁷⁰. Впрочем, в другие годы толмачи Томска получали только по 10 соболей «поминков» с Мелесской волости. В результате через несколько лет ясачные люди южных волостей Томского уезда бежали под защиту енисейских киргизов⁷¹.

⁶⁷ Первое столетие освоения Сибири русскими. С. 20.

⁶⁸ Там же. С. 21.

⁶⁹ Там же. С. 23.

⁷⁰ Материалы по истории Хакасии XVII–XVIII вв. С. 61.

⁷¹ Там же. С. 65.

Позднее большой проблемой для власти были поборы служилых людей при сборе ясака в Восточной Сибири. В 1660-е годы воеводы городов Восточной Сибири брали за назначение служилых людей в зимовья за ясаком 300 руб. с приказчиков, 40 руб. с толмачей, 6 руб. с казаков. К 1715 г. в Якутском уезде эти «великие накупы» воевод достигали уже 200 руб. с толмачей и 10 руб. с казаков [Зуев, с. 23]. Таким образом, статус толмача в уездах Восточной Сибири, находившихся на большом расстоянии от административного центра Сибири Тобольска и тем более от далекой Москвы, приближался к положению «приказных людей».

Во время социальных конфликтов в Сибири ясачные люди стремились добиться назначения толмачом своего уезда знакомого и близкого человека, от которого они ожидали поддержки. Так, в 1648 г. во время выступления против воеводы О. И. Щербатого в Томске ясачные люди Томского уезда особо требовали сменить в городе толмача и назначить на эту должность новокрещена, то есть недавнего выходца из среды тюркского населения, пешего казака Томска Дмитрия Тихонова. Характерно, что Сибирский приказ согласился на это назначение, несмотря на сопротивление воеводы Томска О. И. Щербатова, который называл казака сторонником бунтовщиков и говорил, что он «ис кабацкой избы ярышка» [Покровский, с. 190]. В сентябре 1648 г. по челобитной «остяцких княздов», ездивших в Москву в делегации Ф. Пуццина с жалобами на воеводу О. И. Щербатого, член делегации Дмитрий Тихонов был назначен новым толмачом Томска. Как полагал Н. Н. Покровский, новый толмач имел значительный авторитет среди ясачных людей [Покровский, с. 143].

От деятельности толмача зависели и ясачные люди, и служилые люди. 18 декабря 1681 г. тунгусы, жившие в районе Охотского острога на далеком востоке Якутского уезда, сообщили, что в 1680 г. ходили в Якутский острог для передачи челобитной, по которой они могли платить ясак в мае. Толмач Якутского острога Иван Савин разрешил им перенести платеж ясака на май месяц. 8 мая 1682 г. тунгусы принесли ясак и обратились к приказному человеку казачьему пятидесятнику с вопросом, знал ли воевода Якутского уезда И. В. Приклонский о словах Ивана Савина, или это было решение толмача, объяснив, что не знают русского языка. На этот раз речи тунгусов перевел другой толмач Петр Нарымский [Ионин, с. 112–113].

Позднее, 8 мая 1682 г., оленные тунгусы Охотского острога обратились с челобитной к царю Федору Алексеевичу с просьбой оставить в Охотском остроге толмача Петра Никитина сына Нарымского, который с февраля 1682 г. сидел в остроге на приказе и затем получил распоряжение с казной из острога идти в центр уезда — Якутский острог. В челобитной, поданной воеводе Якутского уезда И. В. Приклонскому, ясачные люди писали, что приказные люди острога, не зная языка и родства тунгусов, не могут без толмача менять аманатов и чинить «расправы в обидах и налогах». Надо отметить, что к далекому Охотскому острогу были приписаны 30 тунгусских родов, от которых в остроге сидели 70 аманатов. В 1684 г. казак толмач Петр Нарымский был упомянут уже в качестве обычного приказчика Охотского острога [Ионин, с. 112–113]. Так должность толмача иногда становилась началом для карьеры служилого человека. К началу XVIII в. в уездах Сибири служили 56 толмачей, которых, как и другие группы служилых людей при Петре I, записали в государственные крестьяне [Емельянов, с. 115]. Однако позднее правительство вернуло толмачам и другим группам военного населения статус служилых людей Сибири.

В Сибири русские встретились с десятками народов и племен, которые принадлежали к нескольким языковым семьям. Русские власти и служилые люди в Сибири при контактах с местными народами опирались на наиболее распространенные языки края — на юге это был татарский, на Севере Западной Сибири — остяцкий, в Восточной Сибири — тунгусский язык, на котором говорили от реки Енисея до реки Амура и Тихого океана. В толмачи Сибири воеводы набирали, главным образом, представителей местного населения, принявших крещение, и их потомков.

Литература

- Акишин М. О. О роли толмачей в осуществлении внешнеполитических функций Русского государства в Сибири XVII в. // Присоединение Сибири к России: новые данные. Тюмень, 2014. С. 41–49.
- Бахрушин С. В., Токарев С. А. Якутия в XVII в. Очерки. Якутск, 1953. 439 с.
- Бояршинова Э. Я. Население Томского уезда в первой половине XVII в. // Труды Томского государственного университета. Историко-филологические науки. Томск, 1950. Т. 112. С. 23–210.
- Буцинский П. Н. Сочинения: в 2 т. Тюмень, 1999. Т. 2. 327 с.
- Буцинский П. Н. К истории Сибири. Тюмень, 2003. 365 с.
- Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. 622 с.
- Емельянов Н. Ф. Спорные вопросы истории феодальной Сибири. Курган, 1991. 160 с.
- Зуев А. С. «Конквистадоры империи»: русские землепроходцы на северо-востоке Сибири // Регион в истории империи. Исторические эссе о Сибири. М., 2012. С. 17–46.
- Ионин А. А. Новые данные к истории Восточной Сибири XVII в. Иркутск, 1895. 252 с.
- Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. М., 1988. Т. 2. Курс русской истории. Ч. 2. 446 с.
- Леонтьева Г. А. Служилые люди Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. М., 2012. 320 с.
- Люцидарская А. А. Толмачи в Сибири XVII в. Период начала колонизации // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3. С. 27–31.
- Малов А. В., Смирнова О. С. Переводчики и толмачи Посольского приказа в 1613–1621 годах: по расходным книгам Казенного двора // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: Материалы международной научной конференции. М., 2019. С. 209–229.
- Миллер Г. Ф. Этнографические труды. М., 2009. Ч. 1. Описание сибирских народов. (Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов. Т. 8). 453 с.
- Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1975. 308 с.
- Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири. Новосибирск, 1988. 254 с.
- Оглоблин Н. Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). М., 1900. Ч. 3. IV, 394 с.
- Оглоблин Н. Н. К истории Томского бунта 1648 г. М., 1903. 30 с.
- Покровский Н. Н. Томск, 1648–1649 гг. Воеводская власть и земские миры. Новосибирск, 1989. 385 с.
- Солодкин Я. Г. Вослед Савве Есипову. Очерки сибирского летописания середины – второй половины XVII в. Нижневартовск, 2011. 211 с.

References

- Akishin, M. O. O roli tolmatchei v osushchestvlenii vneshnepoliticheskikh funktsii Russkogo gosudarstva v Sibiri XVII v. [On the Role of Interpreters in the Implementation of the Foreign Policy Functions of the Russian State in Siberia in the 17th Century]. In *Prisoedinenie Sibiri k Rossii: novye dannye*. Tyumen, 2014. Pp. 41–49.
- Bakhrushin, S. V., Tokarev, S. A. Yakutiya v XVII v. Oчерki [Yakutiya in the 17th Century. Essays]. Yakutsk, 1953. 439 pp.
- Boyarshinova, Z. Ya. Naselenie Tomskogo uezda v pervoi polovine XVII v. [The Population of Tomsk Uyezd in the First Half of the 17th Century]. In *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriko-filologicheskie nauki*. Tomsk, 1950. Vol. 112. Pp. 23–210.
- Butsinskii, P. N. Sochineniya: v 2 t. [Works: in 2 Volumes]. Tyumen, 1999. Vol. 2. 327 pp.
- Butsinskii, P. N. K istorii Sibiri [On the History of Siberia]. Tyumen, 2003. 365 pp.
- Dolgikh, B. O. Rodovoi i plemennoi sostav narodov Sibiri v XVII v. [Clannish and Tribal Composition of the Peoples of Siberia in the 17th Century]. Moscow, 1960. 622 pp.
- Emel'yanov, N. F. Spornye voprosy istorii feodal'noi Sibiri [Controversial Issues in the History of Feudal Siberia]. Kurgan, 1991. 160 pp.

- Ionin, A. A. *Novye dannye k istorii Vostochnoi Sibiri XVII v.* [A New Data on the History of Eastern Siberia in the 17th Century]. Irkutsk, 1895. 252 pp.
- Klyuchevskii, V. O. *Sochineniya: v 9 t.* [Works: in 9 Volumes]. Moscow, 1988. Vol. 2. Kurs russkoi istorii. Part 2. 446 pp.
- Leont'eva, G. A. *Sluzhilye lyudi Vostochnoi Sibiri vo vtoroi polovine XVII – pervoi chetverti XVIII vv.* [Service Class People of Eastern Siberia in the Second Half of the 17th – the First Quarter of the 18th Centuries]. Moscow, 2012. 320 pp.
- Lyutsidarskaya, A. A. *Tolmachi v Sibiri XVII v. Period nachala kolonizatsii* [The Tolmach (Interpreter) Service in Siberia: the Early Period of Colonization]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri = Humanitarian sciences in Siberia*. 2011. No. 3. Pp. 27–31.
- Malov, A. V., Smirnova, O. S. *Perevodchiki i tolmatchi Posol'skogo prikaza v 1613–1621 godakh: po raskhodnym knigam Kazennogo dvora* [Translators and Interpreters of the Ambassadorial Prikaz in 1613–1621: According to the Expenses Record Books of the Kazenny Dvor]. In *Perevodchiki i perevody v Rossii kontsa XVI – nachala XVIII stoletiya: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Moscow, 2019. Pp. 209–229.
- Miller, G. F. *Etnograficheskie trudy* [Ethnographic Works]. Moscow, 2009. Part 1. Opisanie sibirskikh narodov. (Istochniki po istorii Sibiri i Alyaski iz rossiiskikh arkhivov. Vol. 8). 453 pp.
- Minenko, N. A. *Severo-Zapadnaya Sibir' v XVIII – pervoi polovine XIX v.* [Northwestern Siberia in the 18th – the First Half of the 19th Century]. Novosibirsk, 1975. 308 pp.
- Nikitin, N. I. *Sluzhilye lyudi v Zapadnoi Sibiri* [Service Class People in Western Siberia]. Novosibirsk, 1988. 254 pp.
- Ogloblin, N. N. *Obozrenie stolbtsov i knig Sibirskogo prikaza (1592–1768 gg.)* [Review of Columns and Books of the Siberian Prikaz (1592–1768)]. Moscow, 1900. Part 3. IV, 394 pp.
- Ogloblin, N. N. *K istorii Tomskogo bunta 1648 g.* [On the History of 1648 Tomsk Uprising]. Moscow, 1903. 30 pp.
- Pokrovskii, N. N. *Tomsk, 1648–1649 gg. Voevodskaya vlast' i zemskie miry* [Tomsk, 1648–1649. The Authority of Voivode and the Rural Communities of Zemstvo]. Novosibirsk, 1989. 385 pp.
- Solodkin, Ya. G. *Vosled Savve Esipovu. Ocherki sibirskogo letopisaniya serediny – vtoroi poloviny XVII v.* [Following Savva Yesipov. Essays on the Writing of Siberian Chronicles of the Middle – Second Half of the 17th Century]. Nizhnevartovsk, 2011. 211 pp.
- Zuev, A. S. “Konkvistadorsy imperii”: russkie zemleprokhodtsy na severo-vostoke Sibiri [“The Conquistadors of the Empire”: Russian Explorers in Northeastern Siberia]. In *Region v istorii imperii. Istoricheskie esse o Sibiri*. Moscow, 2012. Pp. 17–46.

Vladimir D. Puzanov

Shadrinsky State Pedagogical University, Shadrinsk, Russia

THE SERVICE OF INTERPRETERS IN SIBERIA IN THE LATE 16th – 17th CENTURIES

The Russians met with many peoples and languages in Siberia. The peoples of Western Siberia spoke mainly Turkic and Ugric languages. The tolmatches (interpreters) served in the towns of Siberia. In addition to the official interpreters, there were service class people in the garrisons of the Siberian towns who were temporarily employed as interpreters. In some cases the Voivodes of the Siberian towns sent the yasak-payers as interpreters. By 1633, 7 Tatar, Ostyak, Vogul tolmatches served in the towns of the Tobolsk Razryad. By 1669, 17 official interpreters were already serving in the towns of Tobolsk Razryad.

Keywords: Siberia, interpreter, razryad, town, service class people, yasak-payers, uyezd